

Воскресный Комсомолец
г. Москва

21 ОКТ 1984

...НЕ НАБЛЮДАЯ своих лет, не замечая плавных смещений времени на лицах окружающих, мы вдруг однажды изумленно застынем перед экраном: как постарел наш любимый актер! Даже не постарел — не в этом суть происходящего, — но как изменился, что за новое выражение в знакомых чертах!

Нет — не печатью времени прошедшего, скорее духом времени настоящего пронизан его облик... Так, машинистка Алла из фильма «Осенний марафон», с видом смиренным и вызывающим танцующая перед Андреем Бузыкиным, ничуть не старше прелестной сумасбродной девочки из «Монолога». Она просто другая, живет в своем времени, как та — в своем, и поражает сдержанной созерцательной женской печалью, как внучка профессора Сретенского Нина потрясла искренним — в три ручья — горем...

И все же... мы не утерпели и спросили Марину Мстиславовну Неелову:

— **Время летит, меняя внешность, характер, мироощущение. У нынешних режиссеров большой выбор, они предпочитают юных Лариных и Джульетт... Вам не обидно, что из каких-то ролей вы вырастаете, так и не попробовав их сыграть?**

— Это действительно так, и на самом деле немного обидно. Но все сложнее — актерская судьба зависит не только от возраста. Так, Джульетту мне не сыграть не потому, что время ушло, а потому, что единственный спектакль, в котором я бы хотела эту роль иметь, уже поставлен несколько лет назад.

Впрочем, что говорить о том, что ушло, когда так много еще предстоит, горевать о том, из чего выросла, когда до многого еще не доросла...

На неизбежный в данном контексте вопрос — о творческих планах, мечтах, предложениях — Марина Мстиславовна отмалчивается. Это — тайна.

Что ж, мы, зрители, подождем. А пока зададим другой неизбежный для артистки театра, снимающейся в кино, вопрос:

— **Что вам больше по душе — кино или театр?**

— Это разные области искусства, что очевидно. Но они совершенно непохожи и изнутри.

Место актера в кино и в театре — небо и земля. В кино, безусловно, первичен режиссер. Сценарный материал — лишь отправная точка, с которой он начинает строительство своего «здания». Правда, хороший кинорежиссер никогда не использует артиста только как исполнителя. Поэтому даже если мне нравится сценарий, я не спешу брать за роль, стараюсь посмотреть, что уже снял этот режиссер, как играют у него актеры, есть ли согласие между волей актера и режиссера, — профессиональный глаз это видит...

Страшнее иметь дело с дебютантами. В кино очень трудно, даже, пожалуй, невозможно работать без полного доверия к постановщику: снимается множество дублей, и режиссер тебе не переихитрит — он все равно выберет то, что нужно ему. И вот ты снялась — фильм с тобой чуть не веки вечные живет, и ты сама живешь

в нем. Но ты ли это? Какой вариант личности сохранился на пленке, стал достоянием не знакомых тебе людей? Сколько в нем случайного, а сколько — подлинного, живого, что старалась высказать?.. Очень боюсь сниматься.

— **Но ведь и в театре есть режиссер, общий замысел...**

— Вот именно — общий замысел, каждый раз пронизывающий спектакль с начала и до конца. В кино все дробится на эпизоды, там работа актера усложняется, вернее — упрощается до уровня исполнительства. А в театре она поднимается до уровня соединения всех участников спектакля, начиная от режиссера и кон-

торую вы играете сегодня. Сколько театров, постановщиков, артистов ставили и, вероятно, будут ставить «Ревизора»... При этом обычно говорят о «новом прочтении», о «своем» взгляде, о «современных» идеях, облаченных в классические одежды.

Но стоит ли после стольких попыток искать еще одно решение, может быть, есть смысл в том, чтобы Гоголь оставался Гоголем, а Чехов — Чеховым?..

— Что ж. Я не против. Пусть будет так. Но кто знает, какие они на самом деле — Гоголь и Чехов, Мольер и Шоу. Я не могу ручаться за те цели, что видят перед собой другие театры, берясь за классику. Наш театр никогда не ставил перед собой такую простую, или, скорее, утилитарную за-

Но... образ есть обобщение и частица одновременно. Первое зависит от мастерства, второе — от меня лично, от того, что меня тревожит, заставляет сомневаться, думать...

— При таком взгляде на вещи вам, наверное, предпочтительнее те роли, где драматургическая фактура позволяет больше сказать о себе?

— Совсем нет. Куда увлекательней работать на сильной драматургической основе. Хорошая пьеса, хорошая роль, как все хорошее, разве не предпочтительнее халтуры?..

— Иногда в критике о кино и театре проскальзывает упрек, что известные актеры слишком много снимаются, не отказываются от любых ролей, словом, эксплуатируют свой талант в ущерб ему.

— Мы — актеры, это наша работа. Я никогда не отказываюсь от ролей. В театре невозможно капризничать, соглашаться на одно и не соглашаться на другое. Театр — в известном смысле «производство», и здесь также существует понятие производственной необходимости. Это может показаться жестким условием — ведь необходимости должен подчиняться человек искусства.

Но в нашем «Современнике» атмосфера поиска, сам его дух настолько облегчают любую задачу, что грех было бы жаловаться... Роль обязательно обсуждают все. Режиссер порой сердится — опять кого-то послушалась! А ты, быть может, сделала это невольно, почти незаметно для себя.

Отказываться от ролей... Нет, я на это не способна, ведь это в какой-то степени — поражение, поражение, которое потерпела без боя. А я слишком самолюбива...

У нас в гостях заслуженная артистка РСФСР актриса театра «Современник» Марина Мстиславовна НЕЕЛОВА

Воскресные ВСТРЕЧИ МК

СКОЛЬКО УГОДНО ДУБЛЕЙ

чая художником-костюмером. В театре процесс создания спектакля начинается задолго до премьеры и не кончается с ней. В театре всегда есть время, что-то поправить, всегда есть надежда, что завтра наконец — нет, сегодня ты сыграешь лучшую свою роль...

Мне кажется, именно в театре наша профессия дает возможность выразить свое миропонимание, свой душевный строй...

ПОВЕЗЛО — не повезло? Как часто, когда чужая судьба уже сложилась, утвердилась в нашем сознании, мы начинаем задаваться этим вопросом.

В рассказе о Марине Нееловой он может прозвучать наивно. И все же в небольшого роста худенькой девушке — выпускнице Ленинградского института театра, музыки и кинематографии — вряд ли кто-нибудь мог угадать замечательную драматическую актрису. А начиналась ее карьера сказочно, не в переносном, в буквальном смысле — со сказок. «Старая, старая сказка» — первая роль. И потом... Может быть, это считать удачей, счастливой случайностью, без которой, как кажется зрителю, и это часто бывает на самом деле, как-то неполна актерская судьба?..

Драматург Михаил Рошин: «Когда я вижу Неелову на сцене, мне кажется, что она играет всегда будто в последний раз».

— **Выразить себя, передать свое мироощущение другим... В приложениях к актерской профессии об этом говорится сегодня много, очень много. Но вот перед нами Гоголь, «Ревизор», Мария Антоновна, ко-**

дачу, как «осовременивание». На классике мы учимся любить, дышать, переживать, на классике мы познаем самих себя. Классика не застывает, она меняется с нами...

Я сама с недоверием отношусь к тем постановкам, в которых новизна становится самоцелью, традиционные тексты наполняются новым, «многозначительным», не всегда ясным смыслом, в которых во время спектакля в зале вдруг вспыхивает полный свет или, наоборот, гаснет... Но артисты имеют право, как и зрители, как и режиссер, на свое понимание. И хорошо, когда все точки зрения соединяются в одну, — тогда удача.

Я, кажется, не припомню такого спектакля, как «Ревизор», коль уж о нем зашла речь, в котором у труппы было бы такое единодушие. Мы за кулисами умираем от смеха, но... зритель иногда так серьезен, что и не улыбнется. Может быть, ищет «скрытый» смысл?

— **А вас волнует зритель — его реакция во время спектакля, его настроение?**

— Если б мне это было все равно, я играла бы, не выходя из дома...

— **Марина Мстиславовна, одна известная оперная певица рассказывала в своих воспоминаниях, что однажды, когда по роли ее героиня умирала, она сама действительно упала без чувств и потом, когда пришла в себя, сначала отождествила себя со своей героиней... Удавалось ли вам когда-нибудь такое полное перевоплощение?**

— В абсолютное перевоплощение, во всяком случае в свое, я не верю и никогда не верила. В каждом образе есть что-то и от меня, чего никуда не спрячешь, — пусть не вся я, пусть какая-то частица.

С САМОГО начала ее актерского пути в игре Марины Нееловой критика отмечала (порой с удивлением) несомненный профессионализм. Тем, кто смотрел «Монолог», не могла не запомниться сцена ссоры Нины (внучки) с профессором Сретенским (его замечательно сыграл Михаил Глузский). Но мало кто знает, что сцену эту пришлось снимать два раза, хотя Марина Неелова была тут ни при чем. Она и первый раз играла так, что люди, бывшие на съемочной площадке, как вспоминает режиссер фильма Илья Авербах, чуть не плакали. Вот и помощник режиссера, пораженный игрой молодой актрисы, допустил брак — в кадр попал посторонний предмет. Когда стало ясно, что сцена на пленке безнадежно загублена, съемочная группа пришла чуть не в отчаяние: «Второй раз так никому не сыграть!..»

Но Марина Неелова сыграла. Если в первой попытке был неподдельный надрыв, «почти истерика», по выражению Авербаха, то в дубле опытный глаз режиссера разглядел высочайшее мастерство.

И никаких чувств? — спросим мы. Кто знает. Не будем гадать, по-настоящему ли плачет Марина Неелова. Она плачет — и мы верим. Она смеется, и мы смеемся вместе с нею. Она выходит на сцену, будто бы это ее последний выход, и она должна успеть сказать нам все-все-все!.. И — все-таки...

— **Марина Мстиславовна, неужели вам одинаково легко, если есть нужда, и заплакать, и засмеяться?**

— А вам?

Беседу вели
А. СЕРГЕЕВ,
Т. ШОХИНА.